

ПЕРСОНАЛЬНИЙ МИФ: ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Крупельницькая Людмила¹

¹Доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры психодиагностики и клинической психологии факультета психологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев (Украина)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0594-2369>

UDC: 159.923

АНОТАЦІЯ

Статья посвящена психологическому анализу феномена персонального мифа и возможностям его психотерапевтического использования. Выделены сущностные особенности мифа, связанные с возникновением у реципиента мифологического содержания психологических эффектов, соответствующих целям психологической помощи. Показано, что поиск ориентиров личностного развития и включение соответствующих мотивационных механизмов обеспечиваются в значительной мере благодаря актуализации дологического, мифологического уровня сознания, отвечающего за творческую активность. Персональный миф определен как система ядерных личностных смыслов, формируемая путем синтеза содержания культурных и общественных мифов с содержанием опыта человека, выявляемая и трансформируемая через нарратив и выполняющая роль смысловой перспективы проекта жизни личности. Определены главные функции персональных мифов: социально-адаптивная, смыслообразующая, регулятивная, аксиологическая и интегрирующая. Показано, что в психолингвистическом аспекте персональный миф является текстом, который служит своеобразным механизмом взаимодействия обобщенных культурных смыслов с ядерными личностными смыслами. Выдвинуто предположение о соответствии содержанию психотерапевтического взаимодействия специфических методов дискурс-анализа, позволяющих удерживать смысловую целостность клиента. Выделены пошаговые задачи в работе с персональной мифологией.

Ключевые слова: миф, персональный миф, функции персонального мифа, нарратив, психотерапия.

Постановка проблемы. Личность в фокусе постнеклассической психологии конституируется принципами нелинейного развития, динамичности, непредсказуемости, принадлежности к культуре, постоянно «играющей смыслами». Такое видение – не просто фиксация нового взгляда на нее, оно отражает поиск адекватного современной личности ракурса рассмотрения. Произошедшие в последние десятилетия социокультурные, технологические, информационные изменения привели к появлению личности, у которой как бы отсутствует или, по меньшей мере, размыт постоянный центр. Ее идентичность неустойчива и изменяема. Структурирование жизненного пути, построение иерархии целей, смыслов, деятельностей приобрели новые

черты: личность находится в постоянном процессе самоконструирования и конструирования своих жизненных практик.

Эти изменения позволили снять многие ограничения. Человек реже и меньше привязан к единственному делу своей жизни, слабее ориентирован на устойчивые моральные принципы, чаще и легче обновляет круг общения. С другой стороны, размывание этого центра означает возникновение трудностей «сборки» в единое смысловое целое. Потребность же в такой «сборке» особенно остро ощущается в критические моменты и периоды жизни, когда отсутствие устойчивых смысловых координат лишает человека мотивационно-энергетических возможностей преодоления.

Address for correspondence, e-mail: editpsychas@gmail.com
Copyright: © *Liudmyla Krupelnytska*

This is an Open Access journal, all articles are distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0 International (CC BY-NC-SA 4.0) License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/>), allowing third parties to copy and redistribute the material in any medium or format and to remix, transform, and build upon the material, provided the original work is properly cited and states its license.

“Постнеклассическая личность” нуждается в психологической помощи, которая учитывает новую личностную проблематику. Не потому ли появляются новые виды психотерапии, такие как нарративная психотерапия, терапия фиксированной роли, подходы, основанные на концепции безоценочного осознания? Встает задача поиска адекватных критериев и конструкторов концептуализации профессиональной деятельности психолога и психотерапевта. К наиболее интересным и перспективным конструктам, которые могут быть использованы для ее решения, принадлежит персональный миф (ПМ).

Анализ последних исследований и публикаций. В имеющихся работах в русле данной научной и практической проблематики сосредоточено внимание на разработке философских основ понимания мифа (Голосовкер, 2010, Кассирер, 2002, Колесниченко, 2013, Лосев, 1991, Элиаде, 2010, Майданов, 2014 и др.), представлении роли смысловой сферы в процессах личностной регуляции (Леонтьев, 2019), определении ПМ, его существенных характеристик и функций в жизни личности (Арутюнян, 2011, [Завьялов, 2020](#), Лобок, 1997, Мещерякова, 2011а,б, Некрасова, 2011, Шаров, 2012, Файнштейн, 2000, Olney, 2017 и др.), возможностях работы с содержанием ПМ в психотерапии и психологическом консультировании (Арутюнян, 2011, Завьялов, 2020, Касавин, 2007, Манилов, 2019, Хиллман, 1996, Arlow, 2018, Cardena, Lynn & Krippner, 2000 и др.). В психолингвистических исследованиях раскрываются специфика психотерапевтического дискурса (Калмиков, 2018), аспекты связи лингвистических и психологических аспектов текстов (Калмиков, 2018, Мещерякова, 2011б, Некрасова, 2011). Тем не менее, современные публикации по теме ПМ не столь многочисленны; имеющиеся же работы слишком разрознены: в них можем обнаружить широкий спектр понимания этого понятия – от психоаналитического до философского. В связи с высоким потенциалом практического использования упомянутых аспектов существует потребность в систематизации имеющихся позиций, уточнении самого понятия «ПМ», определении функций ПМ в жизни личности и возможностей его психотерапевтического использования.

Цель статьи – проанализировать философ-

ские, психологические и психотерапевтические подходы к пониманию ПМ, систематизировать представления о его сущности и функциях в жизни личности и обосновать возможность его использования в психотерапевтической практике.

Научное обоснование методологии проведенного исследования. Для реализации цели исследования использованы теоретические методы анализа и синтеза данных, содержащихся в литературных источниках; интерпретация научных позиций и идей ученых, занимавшихся изучением смысловой сферы и персональной мифологии личности, а также методы обобщения и систематизации. Взаимодополнение этих методов позволило уточнить и конкретизировать психологическое понимание ПМ в контексте задач психологической помощи, выделить функции ПМ и пошаговые задачи, решение которых необходимо при работе с персональной мифологией клиента. В общем, было рассмотрено свыше 100 источников по теме исследования, 37 из которых составили основу для данной публикации.

Изложение основного материала. Как отмечает С. Арутюнян, понятие “ПМ” сегодня все еще “находится на стадии обсуждения” (Арутюнян, 2011): ни в философских, ни в психологических словарях его пока нет, хотя в последнее время оно активно используется как в психотерапевтической и консультативной работе, так и в научных публикациях. Именно в таком формулировании, “personal myth”, находим это понятие в психоаналитических публикациях середины прошлого века, например, К. Эрнст (Ernst, 1956), связывавшего его с автобиографическим набором воспоминаний, которые служат “защитным экраном”, выстроенным для прикрытия значимых пробелов, искривлений и искажений в жизненной истории клиента. Этим публикациям предшествовали идеи К. Юнга и З. Фрейда: идейный контекст возникновения этого термина существовал и был довольно влиятельным. В некоторых работах сущность ПМ раскрывается без акцентирования этого термина. В качестве примера таких работ могут служить публикации, в которых в центр внимания поставлен анализ связи биографии и специфики творчества (Olney, 2017) или роль памяти и фантазии в тестировании реальности (Arlow, 2018), а в рамках отечественной психологии – работы, раскрывающие роль базовых

смысловых образований в личностной саморегуляции (Асмолов и др., 1979, Братусь, 1988, Чудова, 1999, Леонтьев, 1975, Леонтьев, 2019).

В дальнейшем сфера употребления понятия “ПМ” была значительно расширена. Однако прежде, чем перейти к уточнению этого понятия в современном его понимании, необходимо прояснить подходы к пониманию и использованию родового понятия “миф”. Это понятие находится на перекрестке разных подходов к его изучению: философского, психологического, лингвистического.

Рассмотрение мифа логично начать в философском ракурсе. Поскольку нас интересует, в первую очередь, использование мифологических ресурсов в психотерапевтической практике, в данном исследовании целесообразно акцентировать внимание на тех определениях и подходах, которые более успешно могут послужить мостиком к пониманию значения мифа в индивидуальной жизни личности, личностном развитии и преодолении трудностей.

А.Ф. Лосев определяет миф, как “в словах данную чудесную личностную историю”, “наивысшую по своей конкретности, максимально интенсивную и в величайшей мере напряженную реальность” (Лосев, 1991: 24). В его понимании миф – это “лик личности”, то есть личность выражает себя через миф, служащий посредником между внутренним миром личности и социальным миром, в котором человек живет и с которым взаимодействует, с необходимостью презентуя себя ему и осознавая себя в нем.

В мифе человек находит истоки ключевых моментов своей жизни – именно миф является первичным ориентиром, первичной системой оценок, структурируя и упорядочивая хаос стихийного человеческого воображения, поскольку миф имеет отношение к сотворению, повествует о появлении чего-то в мире впервые (Элиаде, 2010, Юнг, 1996). Речь идет об определенных явлениях, формах поведения, установках и т.п. Важно также, что миф представляет собой особую символическую реальность, которая, тесно переплетаясь с чувственным восприятием, остается свободной от него (Хиллман, 1996).

Символы мифа не способны объяснить мир рационально, через установление причинно-

следственных связей и формально-логических отношений между явлениями, персонажами, сюжетными линиями, однако они указывают на нечто важное иррациональное, недоступное для логических инструментов. Осмысление мира и самоосмысление – это постоянно становящееся, но не ставшее. Для находящегося в становлении наиболее подходящей является мифологическая форма отображения (Кассирер, 2002: 15-16). В.В. Налимов, рассуждая о вероятностной логике, специфицирует ее через признание, в том числе, свободы языка от закона исключенного третьего, от разграничения истинности и ложности. Он разделяет идею несостоятельности формальной логики в применении к задачам творческого характера и замечает: “творческое (дологическое) мышление по своей природе оказывается мифологичным” (Налимов, 2000: 8-12). В его модели сознания уровень мышления, функционирующий на основе аристотелевой логики, выполняет разъяснительную функцию в процессе коммуникации и позволяет лишь оценивать результаты творчества. Исходные же предпосылки, которые затем осмысливаются на уровне логического мышления, вырабатываются на уровне предлогического мышления. Именно этот уровень, функционирующий по законам бейесовской, вероятностной логики и использующий архетипы и образы, обеспечивает творческую активность.

В основе мифотворчества лежит деятельность воображения, являющаяся, по мысли Я. Голосовкера, по-настоящему человеческой, высшей формой мышления, будучи одновременно и познавательной, и творческой (Голосовкер, 2010). Отметим, что использование возможностей творческого воображения незаменимо в плане достижения основных целей психологической помощи, среди которых и цель способствования личностному изменению и развитию клиента. Оставаясь только в формально-логическом поле причин и следствий повседневной жизни человека, без привнесения дополнительных линий понимания проблем, нахождения механизмов мотивирования и ориентиров личностного развития реализовать необходимые изменения сложно.

Мифологическое восприятие мира является типичным и постоянным, а не редким и эпизодически встречающимся. Как отмечает А.М. Лобок, современ-

ный человек верит в истины культуры, в которой он живет, так же, как и первобытный человек, изобретая тот или иной миф и подстраиваясь под его размерность (Лобок, 1997: 18).

К причинам привлекательности мифологического способа самопонимания следует отнести также неустранимую интенцию человека выйти за пределы профанного времени в сакральное, уйти от ужаса осознания смертности (Кассирер, 2002, Элиаде, 2010). В сакральном времени человек как будто соединяется с вечностью, отождествляясь с бессмертными богами, всемогущими героями и, преодолевая фрагментированность, противоречивость разных установок и содержаний опыта, обретает целостность. Подобные переживания являются важными психологическими событиями, ассоциированными на эмоционально-психическом уровне с уверенностью, спокойствием, удовлетворенностью, воодушевленностью, ощущением собственной значимости, четкостью и ясностью самовосприятия и самоотношения.

В рассмотрении аспектов мифа, важных для психологической помощи личности, необходимо отметить такой его атрибут, как чудесность. Переживания, сопряженные с верой в принципиальную возможность чудесных событий, отличаются особой мотивирующей силой. По мнению А.Ф. Лосева, чудо – феномен личностный: для него не нужны какие-то потусторонние силы – достаточно одной личности при условии совпадения двух ее планов, внешне-исторического и внутренне-задуманного. Среди выделенных им четырех типов целесообразности (логической, практической, эстетической и мифической) наивысшей и наиболее соответствующей личностной истории он считает мифическую, результатом которой есть чудо. Человек как личность стремится к абсолютному самоутверждению, полной свободе и целостности, что он находит в полной мере только в мифе (Лосев, 1991: 118-119).

Мифологическое мышление опирается в своем формировании на особые принципы и обладает специфической логикой. А.С. Майданов (Майданов, 2014а) к принципам мифотворчества относит принципы реализма, мистичности, прагматичности, психологичности и эстетичности. Другими словами, миф отвечает самым важным потребностям человека, “жертвуя” объектив-

ной истиной во имя истины полезной и эстетичной.

К наиболее существенным чертам мифологической логики философ относит (Майданов, 2014б), *феноменологичность*: мифологическое знание оперирует поверхностными сведениями и знаниями, полученными исключительно сенсорным путем, а недостаток знаний восполняется работой воображения, продукты которой практически не подвержены эмпирическому контролю; *субъективистичность*: мифологическое содержание формируется под влиянием прагматических, аффективных и эстетических факторов; *допустимость альтернативных решений*: одна и та же проблема может получать разные решения на основе разных и даже противоположных образов и представлений.

Предысторию нынешнего интереса к ПМ в отечественной психологии следует искать в работах А.Н. Леонтьева (Леонтьев, 1975), А.Г. Асмолова и др. (Асмолов и др., 1979), Б.С. Братуся (Братусь, 1988), Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 2019) и др. Не имея возможности в пределах этой статьи подробно остановиться на всех идеях каждого из этих авторов, отметим только некоторые из них. Для обозначения разных аспектов смысловой сферы личности вводятся понятия “личностный смысл”, “смысловое образование” (А.Н. Леонтьев), “смысловая установка” (А.Г. Асмолов). А.Н. Леонтьев становление личности представляет как становление связанной системы личностных смыслов, которая видится ядром, центром личности (Леонтьев, 1975).

Б.С. Братусь, который ввел в употребление термин “смысловая сфера личности”, рассматривает систему смысловых образований, представляющих ядро личности, в качестве высшего личностного уровня, определяющего смысловые ориентации и смысл жизни человека в целом (Братусь, 1988). Смысловые образования позволяют создать перспективу развития, “эскиз будущего”, обеспечивают системой нравственных ориентиров и служат внеситуативной личностной опорой. Высший уровень смысловой сферы понимается автором как основывающийся на ощущении связи с Богом, отношении к предельным вопросам жизни, высшим образцам и устанавливающий личную религию человека, которая представляет собой внеэмпирическое знание. Описание Б.С. Братусем роли “целостных систем

смысловых образований” как задающих “не сами по себе конкретные мотивы, а плоскость отношений между ними, т. е. как раз тот первоначальный план, эскиз будущего, который должен предсуществовать его реальному воплощению” (Братусь, 1988: 96-97), по сути, совпадает с описанием роли ПМ в работах современных авторов.

Н.В. Чудова замечает, что мифологическая идентификация – это постоянно действующий механизм, участвующий в формировании образа Я и вносящий в представление человека о себе и о мире “систематический сдвиг” (Чудова, 1999). В ее исследовании получила эмпирическое подтверждение связь между характером черт, атрибутируемых себе личности, и типом мифологического сюжета, с персонажем которого идентифицирует себя человек.

В последние десятилетия в широком контексте психологической помощи личности все чаще используется термин “ПМ”. Если в условно фрейдовской линии концептуализации этого понятия доминирует представление о ПМ как специфической системе психологической защиты, позволяющей сберечь историю своей жизни целостной и нетравматичной (Ernst, 1956), в юнгианской линии – как о психотерапевтическом ресурсе, подключающемся при создании условий для соединения в воображении клиента собственной личности и мифических доминант (Хиллман, 1996), то в современных работах в русле психотерапии гуманистической или философской ориентации преобладает представление о ПМ, как о “констелляции образов, аффектов, концепций, организованной вокруг ядерной темы и обращенной к одной из сфер, внутри которых традиционно функционирует мифология” (Файнштейн, 2000), “сложном комплексе представлений, переживаний, идей о себе, условиях своего жизненного самоосуществления”, который можно рассматривать как созданный или создаваемый текст (Некрасова, 2011), “ценностно-смысловом пространстве, в котором человек обживает, а значит, оформляет и реализует свой жизненный проект”, “хронотопически оформленной и спроектированной самости человека в мир людей и вещей” (Шаров, 2012). Рассмотрим позиции современных авторов несколько подробнее.

Д. Файнштейном и С. Криппнером

(Файнштейн, 2000, Feinstein & Krippner, 1988, Krippner, 1986) ПМ рассматриваются в качестве когнитивных структур, связанных с культурными мифами и пригодных для использования в психотерапии. Функции этих структур – объяснение, управление и сакрализация личностного опыта. Эти авторы полагают, что личную мифологию можно изменять, поэтому они говорят о старых и новых мифах, контр-мифах, макромифах (самых важных личностных мифах, объединяющих все остальные), и т.п. При этом оба исследователя настаивают на телесном представительстве ПМ, на том, что миф “возникает из тела”. Обычно в рассмотрении мифологических аспектов акцент делается на факторе культуры, тем не менее, персональная мифология, очевидно, формируется с участием разных уровней личностного функционирования.

В процессе создания ПМ человек задает, определяет и переопределяет свою роль и роли других людей, что позволяет ему постоянно конструировать образ мира и образ себя, стремясь к постижению смысла своего существования (Некрасова, 2011). В качестве важной характеристики ПМ выступает его соответствие личностной хронотипичности, задаваемой ценностно-смысловыми параметрами человека. Личностные время и пространство не всегда четко соотносимы с действительными временем и пространством: они могут “сжиматься”, “расширяться” и т.п., в зависимости от значимости происходящего для личности. Е.В. Некрасова считает соответствующей этой хронотипичности транспективную исследовательскую стратегию, то есть стратегию, предусматривающую сквозное видение из настоящего в прошлое и будущее, из прошлого в настоящее и будущее, из будущего в настоящее и прошлое, и способную стать основой ценностного отношения, привносящего в исследование гипотетического мира клиента “избыток видения” и “оживление”.

Отметим, что в восприятии клиента такое транспективное видение производит тот “систематический сдвиг”, о котором упоминала Н.В. Чудова (Чудова, 1999): мир становится объемным, многоосевым, а не плоскостным, а ценностно-смысловое поле героя мифа становится некой “объяснительной схемой” психической жизни клиента, позволяя акцентироваться на закономерностях и абстрагироваться от

случайных и ненужных деталей.

Некоторые психологи считают, что текст ПМ можно исследовать так же, как можно исследовать нарратив. Е.В. Некрасова (Некрасова, 2011) предлагает проводить транспективный анализ ПМ клиента при помощи нарратива как наиболее чувствительного к переменчивой человеческой реальности инструмента. Э.И. Мещерякова относится к тексту ПМ как к нарративу, сюжет которого содержит смысло-жизненную ситуацию, дискурс, обусловленный интенциями личности (Мещерякова, 2011б). Она доказывает, что разным типам ПМ соответствуют разные образы и стили самопрезентации Я в тексте. Особенности ПМ выявлялись ею посредством анализа событийной специфики сюжетов, используемых языковых средств, интенциональности текста, тематического контент-анализа и лингвистического портретирования лексики.

Следует заметить, что несмотря на связь понятий “ПМ” и “нарратив”, они обладают различным содержанием. “ПМ”, будучи своеобразным механизмом взаимодействия обобщенных культурных и ядерных индивидуально-личностных смыслов, проявляется, реализуется и трансформируется через нарратив – связный рассказ человека о себе другому человеку. ПМ – это объективно существующий феномен, субъективно переживаемый личностью и доступный рефлексии только при определенных условиях. Один из вариантов специально созданных условий для выявления и трансформации ПМ – это ситуация психотерапевтического взаимодействия.

В ПМ презентованы не только актуальные, но и потенциальные аспекты личности. Е.В. Некрасова, А.С. Шаров (Некрасова, 2011, Шаров, 2012) понимают его как программируемый культурой проект, основанный на важных для личности духовных ценностях и смыслах. Важной особенностью этого проекта является представленность в нем сферы возможного человека. Очевидно, эта черта ПМ наделяет его особой терапевтической ценностью. Использование “зазора” между имеющимся и возможным позволяет человеку создавать воображаемый мир, который для него в то же время реален. Реальность личности – это не только то, что есть, и то, что точно было; это и то, чего не было, но могло бы быть, чего нет, но может быть, и то, что толь-

ко может произойти. В этом “зазоре” создаются особо благоприятные условия для смыслообразования. В сфере ПМ человек может быть таким, каким он был когда-то, или каким еще никогда не был. Время и пространство становятся подвластными человеку, как они бывают подвластны герою культурного мифа и как никогда не могут быть подвластны в формально-логической системе координат: в этом поле смыслов человек общается и взаимодействует с возможностями, которые сам и создает.

ПМ, по выражению А.С. Шарова (Шаров, 2012), – это своеобразный медиум, формирующийся и существующий на границе между внешним и внутренним мирами: между предметно-вещным окружающим миром, а также приобретенным в ходе жизни опытом, с одной стороны, и “Я” и ценностно-смысловыми образованиями – с другой. Человек, живущий в пространстве мифа, подчиняется мифическим, смысловым законам связывания границ жизни. Рефлексивное оформление опыта жизни происходит не по формально-логическим, а по этим смысловым законам, с опорой на мифологическую каузальность, что позволяет связывать разнообразные и разрозненные части опыта в смысловую целостность.

При этом человек практически всегда факт подчиняет мифу, а не наоборот (Лобок, 1997: 300). Любой эмпирический опыт “форматируется” мифологическим мышлением, функционирующим в качестве невидимого и малоосознаваемого каркаса восприятия и интерпретации, в соответствии с мифическими “прасобытиями”, выступающими образцами, и в свете которых понимаются и оцениваются актуальные или потенциальные эмпирические события. ПМ повествует о силах, воспринимаемых человеком как основания и границы его мира, наглядно вписанные в сферу привычной каждодневной жизни и снабжающие ее мотивационными ресурсами. С помощью мифа человек “обживает границы своего бытия” (Шаров, 2012), что происходит не только наяву, но и во сне, в мечтах и фантазиях, в оформлении собственных нарративов и восприятии чужих, и т.д. Процесс такого обживания невозможен без деятельности воображения и процессов смыслообразования. А.С. Шаров акцентирует внимание на регулирующей функции ПМ, который помогает че-

ловеку реализовать собственную значимость, самоутвердиться. По-другому о мифе можно сказать так: это целостная личностная история, осмысленная с точки зрения общественного мифического сознания.

После анализа подходов к пониманию ПМ можем очертить сущностные моменты в его определении и отметить главные функции.

ПМ – это система ядерных личностных смыслов, формируемая путем синтеза содержания культурных и общественных мифов с содержанием опыта человека, выявляемая и трансформируемая через нарратив и выполняющая роль смысловой перспективы проекта жизни личности. К наиболее важным функциям ПМ следует отнести: *социально-адаптивную* – при посредничестве персональной мифологии человек адаптируется к социальной среде; ПМ может служить “защитным экраном”, сформированным для прикрытия пробелов, искривлений и искажений в жизненной истории личности; *смыслообразующую* – ПМ служит своеобразной трансспективной смысловой матрицей, соразмерной с конкретной социокультурной средой и продуцирующей смыслы не только актуального, но и потенциального или даже чудесного; *регулятивную* – персональная мифология – это источник принципов и образцов поведения, соответствующих решению типичных внутри- и межличностных проблем; *аксиологическую*: в ПМ содержатся ценностные ориентиры, не всегда явно и четко представленные в актуальной жизни личности; *интегративную*: ПМ снимает внутри- и межличностные противоречия, служа своеобразным смысловым ядром личности, собирая в единое целое самые разнообразные ее аспекты и уровни, тем самым усиливая ее. Напомним в связи с последней функцией слова М.К. Мамардашвили: “Переживание собственного существования через мифологическое представление позволяет человеку увидеть себя целиком, собранным” (Мамардашвили, 1997).

Основатель школы архетипической психологии Дж. Хиллман считает миф “риторической основой” предложенного им подхода. Он ссылается на авторов, определяющих “творение души” через индивидуацию имагинальной реальности. Погружение воображения в “мифический апперцептивный контекст” способствует высвобождению из буквального восприятия человеком

событий, “дебуквализации” как устранению “дурной конкретности” (Хиллман, 1996: 82-83). Терапевтический эффект мифа в этом подходе связывается с тем, что он позволяет увидеть погружение повседневной жизни в “миро-творящую” и облагораживающую жизнь мифических персонажей (Там же: 76). Заметим, что подобное погружение соотносится с важными терапевтическими механизмами, в том числе, относящимися к первичным факторам психотерапии, такими, как вселение надежды и универсальность переживаний, которые I.D. Yalom, в своем перечне факторов психотерапии ставит на первые места, а также экзистенциальные факторы (Yalom, 1985). Значимость этих факторов была позже доказана и в эмпирических исследованиях (Vlastelica, Pavlovic & Urlic, 2003).

Д. Файнштейн отмечает, что использование ПМ в психотерапии происходит за счет таких факторов (Файнштейн, 2000): вхождение человека в лучший контакт со своим внутренним представлением о реальности; оценка способов, при помощи которых личная мифология обслуживает психическую адаптацию и развитие, инициирование изменений в сфере личной мифологии с последующей их интеграцией в жизнь человека.

Он считает, что психотерапевтические интервенции необходимо выстраивать, отталкиваясь от понимания естественного развития ПМ и удерживая в центре внимания диалектическое напряжение между наличными и только зарождающимися способами конструирования реальности. В своей модели работы с персональной мифологией клиента Д. Файнштейн предлагает определять ведущие мифы и выяснять, насколько они отвечают удовлетворению потребностей клиента, определять дисфункциональные мифы и их источники, создавать контр-мифы, стимулировать синтез старого мифа и контр-мифа с целью объединения их конструктивных аспектов, способствовать формированию у человека потребности действовать в соответствии с интегрированным мифологическим образом и укоренению обновленной мифологии в повседневную жизнь (Там же).

В.Ю. Завьялов использует конструкт “ПМ” в качестве одного из основных в созданном им психотерапевтическом подходе (Завьялов, 2020). Описывая

принципы этого подхода, он отмечает, что главный используемый в нем метод это “заход со стороны ПМ как главного инструмента примирения противоречий и конфликтных столкновений мотивов деятельности”. Личность же понимается им в духе идей А.Ф. Лосева, как саморазвитие и осмысление ПМ, который видится системой значений и смыслов.

Э.И. Мещерякова считает, что ПМ может быть не только выявлен, но и сконструирован в процессе психологического консультирования, подчиненного экзистенциальной логике в ситуации кризиса идентичности (Мещерякова, 2011а,б). Разные типы ПМ, по мнению исследовательницы, могут использоваться в качестве экологичного инструмента психодиагностики и преодоления кризисных ситуаций.

Опираясь на опыт психологического консультирования и психотерапии в нарративном подходе, отметим, что ПМ клиента может быть выявлен и трансформирован в направлении психотерапевтических целей и без специально разработанных диагностических критериев. В психологической практике данные феноменологического анализа часто могут быть единственными ориентирами в понимании ПМ клиента. И.Т. Касавин, полемизируя с Н.Ф. Калиной (Касавин, 2007), акцентирует внимание на том, что психотерапевтическая практика не ограничивается дискурс-анализом, который используется в психотерапии в контексте других методов, таких как анализ визуальных образов, мимических, пантомимических проявлений и т.п. В психотерапевтическом взаимодействии “речь живого общения и написанный текст разделяет бездна истолкования”.

Последнее замечание имеет принципиальное значение. Рассказывание клиентом историй, которое, по своей сути, является специфической формой психотерапевтического дискурса – нарративом (Калмыкова, Мергенталлер, 1988), зависит от контекста психотерапевтического взаимодействия. Написание истории предполагает один контекст, а ее рассказывание, с сопутствующими лингвистическими и паралингвистическими реакциями слушателя – другой. Вопрос о соотносимости результатов анализа письменной речи с ПМ клиента, выявляющем себя в живом рассказе, остается дискуссионным. Менее спорным и более целесообраз-

ным в практической работе психолога является использование не письменных текстов на заданную тему, а такого варианта дискурс-анализа, который может быть осуществлен в живом общении с клиентом. Очевидно, методы дискурс-анализа с исследовательской и прикладной целями должны различаться. В ситуации психотерапевтического взаимодействия использование “дискретных” методов, предусматривающих выделение смысловых категорий текста, и в письменной и в устной формах его презентации, с последующими выводами на их основе о личностно-смысловой специфике человека, несет в себе угрозу не только выбора ошибочного пути в поиске решения психологических проблем клиента, но и потери психологического контакта с ним.

Более адекватными в этом контексте представляются “континуальные” методы, позволяющие воспринимать личность клиента как смысловую целостность. Это качественные методы, отвечающие требованиям контекстуальности, вариабельности, интерактивности (Касавин, 2007). Принцип проведения дискурс-анализа текста ПМ в психотерапевтической ситуации можем обозначить как принцип смысловой воронки. Психотерапевт способствует развитию все больших определенности и точности в понимании смысловой сферы клиента у обоих участников психотерапевтического взаимодействия. При таком “мифологическом” дискурс-анализе необходимо держать в поле зрения соотношенность индивидуальных смыслов со смыслами культурных мифов, поскольку именно последние питают сюжетами, образами, идеями ПМ. В результате оба участника формируют представление о мифологическом сюжете, наиболее точно соответствующем жизненной проблеме клиента. Важно отметить, что основа ПМ может быть найдена не только в общеизвестном, например, древнегреческом или древнеславянском культурном мифе – она может быть открыта в художественном произведении, сказке, притче, какой-либо стихийно сформированной мифологической конструкции (Арутюнян, 2011, Чудова, 1999).

Формулируя принципы психотерапевтической работы с ПМ, определим основные шаги в такой работе: 1) через деконструкцию текста рассказа с учетом не только лингвистических, но и паралингвистических его составляющих найти принцип организации субъектив-

ного опыта и выявить ПМ (при этом могут быть использованы вопросы по типу: “На жизнь какого героя мифа, романа или фильма похожа Ваша жизнь?”; “На какого мифологического (сказочного и т.п.) героя Вы похожи (хотите быть похожим)?”; “Какая сказка была Вашей любимой в детстве?” и т.п.); 2) определить степень конструктивности-деструктивности фактического влияния ПМ на жизнь человека; 3) помочь осмыслить и подобрать вместе с клиентом наиболее соответствующие его актуальной проблеме мифологические конструкции; 4) помочь выстроить на основе переосмысленного ПМ практические жизненные стратегии; 5) поддержать и, при необходимости, скорректировать внедрение этих стратегий.

Выводы.

Постижение действительности с помощью мифа связано с задействованием механизмов, которые могут быть использованы в психотерапевтической работе и проявлены в таких психологических эффектах, как ощущение личностного усиления, центрирования, снятие деструктивного психологического напряжения, вызванного длительным переживанием неразрешенных противоречий, активизация творческого потенциала, и т.п. Специфические свойства мифа, вклад которых в возникновение таких психологических эффектов является самым существенным, это: первичность представленных в нем персонажей, образов, событий, в связи с чем человек ощущает свою причастность к основаниям определенных явлений, форм поведения, установок и принципов, актуализирует истоки ключевых моментов своей жизни, первичные ориентиры и первоначальную систему оценок; чудесность, предусматривающая снятие при определенных условиях большинства ограничений; служение персонажей мифа образцами переживания и поведения, что особенно важно в ситуациях потери жизненных ориентиров и трудностей самоидентификации; априорное упорядочение восприятия человека – любой эмпирический опыт “форматируется” мифологическим мышлением, которое функционирует в качестве невидимого и малоосознаваемого каркаса восприятия и интерпретации в соответствии с мифическими “прасобытиями”.

Мифологическая форма отображения является более адекватной целям осмысления жизни и само-

осмысления, чем рациональное познание с его формально-логическими законами. Исходные предпосылки, которые затем осмысливаются на уровне логического мышления, вырабатываются на уровне предлогического мышления, мифологического по своей природе. Именно этот уровень обеспечивает творческую активность человека, в отличие от уровня логического мышления, обеспечивающего лишь проверку и оценивание результатов творчества. Поиск ориентиров личностного развития и включение соответствующих мотивационных механизмов обеспечиваются в значительной мере благодаря актуализации предлогического, мифологического уровня сознания. Погружение сознания в мифологическую реальность связано с важными терапевтическими механизмами, такими как вселение надежды, универсальность переживаний, экзистенциальные факторы, а также способствует дебукуализации в восприятии жизненных событий. Человек через механизм децентрации получает возможность отвлечься от тяжелых переживаний и увидеть свою жизнь в облагораживающей рамке образов мифологических героев и сюжетов.

ПМ может быть определен как система ядерных личностных смыслов, формируемая путем синтеза содержания культурных и общественных мифов с содержанием опыта человека, выявляемая и трансформируемая через нарратив и выполняющая роль смысловой перспективы проекта жизни личности. Главными функциями ПМ являются: социально-адаптивная, смыслообразующая, регулятивная, аксиологическая и интегративная.

В психолингвистическом аспекте анализа ПМ целесообразно рассматривать как текст. ПМ является объективно существующим явлением, которое субъективно переживается личностью и презентуется при определенных условиях. Отдельный вариант специально созданных условий для выявления и трансформации ПМ – ситуация психотерапевтического взаимодействия. Использование методов дискурс-анализа ПМ в психотерапии имеет свою специфику по сравнению с дискурс-анализом в исследовательском контексте. Требуется дальнейших исследований проверка предположения о том, что более соответствующими психотерапевтической ситуации являются методы, позволяющие воспринимать личность клиента как смысловую це-

лостность, то есть “континуальные”, качественные методы.

Основные пошаговые задачи, которые необходимо выполнить при работе с персональной мифологией клиента, следующие: через деконструкцию текста рассказа клиента найти принцип, по которому организован его субъективный опыт и выявить ПМ; оценить степень конструктивности-деструктивности фактического влияния ПМ на жизнь клиента; помочь клиенту осмыслить и подобрать вместе с ним соответствующие его актуальной проблеме мифологические конструкции; помочь выстроить на основе переосмысленного ПМ практические жизненные стратегии; поддержать и корректировать внедрение этих стратегий.

К перспективам дальнейших исследований в выбранном проблемном поле можно отнести операционализацию критериев “конструктивности-деструктивности” ПМ, уточнение адекватных методов исследования ПМ клиентов, изучение влияния соотношения ПМ клиента с ПМ психотерапевта на процесс и результаты психотерапии.

References :

- Arlow J.A. (2018). Fantasy, Memory, and Reality Testing // *The Psychoanalytic Quarterly*. V.87(1). P. 127-148.
- Arutyunyan S. (2011) Problema proiavleniia personalnogo mifa v protsesse psikhologicheskogo konsultirovaniia [The Problem of Personal Myth Appearance in the Process of Psychological Counseling] // *Bulletin of Yerevan university. Philosophy, Psychology*, 135(4), 29-43. [in Russian].
- Asmolov A.G., Bratus B.S., Zeigarnik B.V., Petrovskii V.A., Subbotskii E.B., Kharash A.U., Tsvetkova L.S. (1979). O nekotorykh perspektivakh issledovaniya smyslovykh obrazovaniy lichnosti [On some perspectives of research of meaning formations of personality]. *Voprosy psikhologii*. 4, 35-45. [in Russian].
- Bratus B.S. (1988). Anomalii lichnosti [Personality anomalies]. M.: Mysl, [in Russian].
- Cardena E., Lynn S. J., Krippner S. (2000). Varieties of anomalous experience: Examining the scientific evidence. Washington, DC, US: American Psychological Association.
- Chudova N.V. (1999). Mifologicheskaja sostavljajushhaja obraza Ja // *Psychological Journal*, 20 (5), 45–50. [in Russian].
- Eliade M. (2010). Aspekty mifa [Aspects of Myth] (4th ed.). M: Akademicheskij projekt [in Russian].
- Ernst K. (1956). The Personal Myth A Problem in Psychoanalytic Technique. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 4 (4), 653-681.
- Fainshtein D. (2000). Lichnaja mifologija: analiz, transformacija i reintegraciya [Personal mythology: analysis, transformation & reintegration]. *Psihoterapija – chto eto?* J. K. Zeig, W. Michael Munion (Ed.). *Psihoterapija – chto eto?* [What is psychotherapy?], pp. 217-222. M.: Nezavisimaja firma “Klass”. [in Russian].
- Feinstein D., Krippner S. (1988). Personal mythology: The psychology of your evolving self. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher.
- Golosovker Ja.E. (2010) Izbrannoe. Logika mifa [Selections. Logic of Myth]. M.; SPb: Centr gumanitarnykh iniciativ. [in Russian].
- Hillman J. (1996). Arhetipicheskaja psikhologija [Archetypical Psychology]. SPb.: B.S.K. [in Russian].
- Jung K.G. (1996). Dusha i mif: shest' arhetipov [Soul and Myth: Six Archetypes]. K.: Gosudarstvennaja biblioteka Ukrainy dlja junoshestva. [in Russian].
- Kalmykov H. (2018). Psykhologo-profesiinyi dyskurs yak vyrazhennia intentsionalnoi spriamovanosti subiekta movlennia na adresata [Psycho-Professional Discourse as an Expression of the Subject's of Speech Intentional Orientation to an Addressee]. *Psycholinguistics*. 23 (1), 73-98. DOI: 10.5281/zenodo.1212362. [in Ukrainian].
- Kalmykova, Je.S., & Mergentaller, E. (1998). Narrativ v psihoterapii: rasskazy pacientov o lichnoj istorii [Narrative in psychotherapy: stories of patients about personal history]. *Psychological Journal*, 5, 97-104. [in Russian].
- Kasavin, I.T. (2007). Diskurs-analiz i ego primenenie v psihologii [Discourse analysis and its application in psychology]. *Psychology Issues*, 6, 97-119. [in Russian].
- Kassirer E. (2002). Filosofija simvolicheskikh form. Tom 2. Mifologicheskoe myshlenie [Philosophy of symbolic forms. Volum 2. Mythological thinking]. M.; SPb.: Universitetskaja kniga, [in Russian].
- Kolesnichenko Ju.V. (2013). Problema mifa i lichnosti v rabote A.F. Loseva “Dialektika mifa” [Myth and personality issue in work of A.F. Losev “Dialectics of myth”]. *Filosofija i obshchestvo*. 3 (71), 121-130. [in Russian].
- Krippner S. (1986). Dreams and the development of a personal mythology. *Journal of Mind and Behavior*, 7(2), 449-462.
- Leont'ev A.N. (1975). Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost [Activity. Consciousness. Personality]. M.: Politizdat, [in Russian].
- Leont'ev D.A. (2019). Psikhologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality]. 4 ed. M.: Smysl, [in Russian].
- Lobok A. (1997). Antropologija mifa [Anthropology of Myth]. Ekaterinburg: Bank kulturnoj informacii, [in Russian].

Losev A.F. (1991). Dialektika mifa [Dialectics of Myth]. Ed. T.I. Ojzerman. *Filosofija. Mifologija. Kul'tura*. M.: Politizdat, P. 21-186. [in Russian].

URL: <http://www.supervis.ru/content/1995718210-zavyalov-v-yu-dianaliz-otkaz-ot-ekspertnyh-znaniy-v-polzu-kreativnyh-resheniy-i>. [in Russian].

Majdanov A.S. (2014). Logika mifologicheskogo myshlenija. Chast 1. Evolucija vzgljadov na logiku mifov [The logic of mythological thinking. Part 1. Evolution of views on logic of myth]. *Filosofija i kul'tura*, 3, 426-441. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.3.10620. [in Russian].

Liudmyla Krupelnytska

DSc. in Psychological Sciences, Associate Professor, Associate professor of the Department of Psychodiagnostics and Clinical Psychology, Faculty of Psychology, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv (Ukraine)

Majdanov A.S. (2014). Logika mifologicheskogo myshlenija. Chast 2. Paradigmalnost mifologicheskogo myshlenija [The logic of mythological thinking. Part 2. Paradigmality of mythological thinking]. *Filosofija i kul'tura*, 4, 594-606. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.4.12116. [in Russian].

A PERSONAL MYTH: PHILOSOPHICAL, PSYCHOLOGICAL AND PSYCHOTHERAPEUTIC ASPECTS

ABSTRACT

The article analyses psychologically the personal myth phenomenon and the possibilities of its psychotherapeutic use. The essential features of the myth, associated with the emergence of psychological effects, relevant to the goals of psychological assistance were identified. They include: an initial appearance of characters, images, events; miraculousness because any restriction can be lifted under certain conditions; representation of the mythical characters as a role model; the myth serving as a priori streamliner for perception. Immersion of consciousness into the mythological reality is associated with important therapeutic mechanisms, such as: hope instilling, universality of experiences, existential factors; life event perception can lose its literalness. We have shown that the search for personal developmental guidelines and triggering the appropriate motivational mechanisms are ensured mostly due to the mainstreaming of the pre-logic, mythological level of consciousness responsible for a person's creativity. A personal myth is defined as a system of core personal meanings formed by synthesizing the content of cultural and social myths with personal experiences, manifested and transformed through narratives and acting as a sensual perspective on the person's life project. The main functions of personal myths are: socio-adaptive, meaning-forming, regulatory, axiological and integrative. We have shown that, in the psycholinguistic aspect, a personal myth is a text that serves as a mechanism of interactions between generalized cultural meanings and core personal meanings. The hypothesis has been developed that specific discourse analysis methods correspond to the content of psychotherapeutic interactions; these methods allow us to retain a client's meaningful integrity. Step-by-step tasks were highlighted for work with a client's personal mythology. These are: finding a principle

Mamardashvili M.K. (1997). Psihologicheskaja topologija puti [Psychological Topology of Path]. SPb.: Russkij Hristianskij gumanitarnyj institut. [in Russian].

Manilov, I.F. (2019). Multimodalnaya suggestivnaya psihoterapiya: ishodnye polozheniya i principy raboty [Multimodal suggestive psychotherapy: initial statements and practical principles] *Psikhologicheskij chasopys: zbirnyk naukovykh prac*, 21, (1), 165-179. DOI: 10.31108/1.2019.1.21.11. [in Russian]

Meshcherjakova E.I. (2011). Personal'nyj mif v psihologicheskom konsultirovanii [Personal Myth in Psychological Counseling]. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 14-15, 91-95. [in Russian].

Meshcherjakova E.I. (2011). Personal'nyj mif v psihologicheskom konsultirovanii (Doctoral dissertation) [Personal Myth in Psychological Counseling]. Barnaul Pedagogical State University, Barnaul. [in Russian].

Nalimov V.V. (2000). Razbrasyvaju mysli. V puti i na pereput'je. [Scattering thoughts. Along the way and at the crossroads] M.: Progress-Tradicija. [in Russian].

Nekrasova Je.V. (2011). Personal'nyj mif kak sposob samoponimaniya [Personal Myth as a Means of Selfunderstanding]. *Vestnik NGU. Serija: Psihologija*, 5(2), 23-27. [in Russian].

Olney J. (2017). *Metaphors of Self. The meaning of autobiography*. Princeton. New Jersey. Princeton University Press.

Potamianou A. (1985). The Personal Myth. Points and Counterpoints. *The Psychoanalytic Study of the Child*, 40(1), 285-296.

Sharov A.S. (2012). Ontologija personalnogo mifa zhizni [Ontology of Life's Personal Myth]. *Fundamental'nyje issledovanija*, 9 (2), 445-449. [in Russian].

Vlastelica M., Pavlovic S. & Urlac I. (2003). Patient's ranking of therapeutic factors in group analysis. *Collegium Antropologicum*, 27, 779-788.

Yalom I.D. (1985). *The theory and practice of group psychotherapy*. New York: Basic Books Inc. Publishers.

Zav'jalov V.Ju. (2020). Otkaz ot ekspertnyh znaniy v pol'zu kreativnyh reshenij i personalizacii znaniy [Refusal of expert knowledge in favor of creative solutions and knowledge personalization].

that organizes a client's subjective experiences and revealing the personal myth through deconstruction of the client's story text; assessing the constructiveness/destructiveness of its actual impact on the client's life; helping the client to rethink the key elements of their personal myth and to choose together with them the mythological constructions corresponding to their actual problem; helping the client build practical life strategies on the basis of the rethought personal myth; supporting the implementation of these strategies.

Keywords: myth, personal myth, personal myth functions, narrative, psychotherapy.

Крупельницька Людмила Францівна

Доктор психологічних наук, доцент, доцент кафедри психодіагностики та клінічної психології Київського національного університету імені Тараса Шевченка, м. Київ (Україна)

ПЕРСОНАЛЬНИЙ МІФ: ФІЛОСОФСЬКО-ПСИХОЛОГІЧНІ ТА ПСИХОТЕРАПЕВТИЧНІ АСПЕКТИ

АНОТАЦІЯ

Статтю присвячено психологічному аналізу феномена персонального міфу та можливостям його психотерапевтичного використання. Виокремлено сутнісні особливості міфу, пов'язані з виникненням у реципієнта міфологічного змісту психологічних ефектів, відповідних цілям психологічної допомоги: поява вперше представлених у ньому персонажів, образів, подій; чудесність – за певних умов можуть бути зняті будь-які обмеження; слугування персонажів міфу зразком для наслідування; слугування міфу апріорним упорядником сприйняття. Занурення свідомості у міфологічну реальність асоційоване з важливими терапевтичними механізмами, такими як вселення надії, універсальність переживань, екзистенційні фактори, та уможливорює дебувалізацію у сприйманні життєвих подій. Показано, що пошук орієнтирів особистісного розвитку і включення відповідних мотиваційних механізмів забезпечується значною мірою завдяки актуалізації дологічного, міфологічного рівня свідомості, який відповідає за творчу активність. Персональний міф визначено як систему ядерних особистісних смислів, яка формується шляхом синтезу змісту культурних і суспільних міфів зі змістом

досвіду людини, виявляється і трансформується через наратив і виконує роль смислової перспективи проекту життя особистості. Визначено головні функції персональних міфів: соціально-адаптивна, смислотвірна, регулятивна, аксіологічна та інтегративна. Показано, що в психолінгвістичному аспекті персональний міф є текстом, який служить своєрідним механізмом взаємодії узагальнених культурних смислів з ядерними особистісними смислами. Висунуто припущення про відповідність змісту психотерапевтичної взаємодії специфічних методів дискурс-аналізу, що дозволяють утримувати смислову цілісність клієнта. Виокремлено покрокові завдання в роботі з персональною міфологією: через деконструкцію тексту розповіді клієнта знайти принцип, за яким організований його суб'єктивний досвід – виявити персональний міф; оцінити міру конструктивності-деструктивності фактичного його впливу на життя клієнта; допомогти клієнтові переосмислити ключові елементи персонального міфу або ж підібрати разом з ним відповідніші його актуальній проблемі міфологічні конструкції; допомогти клієнтові вибудувати на основі переосмисленого персонального міфу практичні життєві стратегії; підтримати впровадження цих стратегій.

Ключові слова: міф, персональний міф, функції персонального міфу, наратив, психотерапія.

Дата отримання статті: 16.07.2019

Дата рекомендації до друку: 21.08.2020

Дата оприлюднення: 31.08.2020